

УДК 821.161.3:82-3:39

Е.В. Тарасова

*аспірант 3 года дзёнавой формы обучения каф. беларускай і замежнай літаратуры
Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя М. Танка
e-mail: elena0602@mail.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ГОТИЧЕСКОГО КАНОНА С ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ В БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматриваются отдельные элементы белорусской готической традиции. Отечественные писатели, опираясь на европейскую готическую прозу, закладывали основы национального готического повествования. Я. Борщевский, М. Горецкий, В. Короткевич, используя готическую поэтику, концептуально осмысливали проблемы национальной истории, народа, отдельной личности. Интерес к готике проявляет и современная белорусская литература и искусство. Сочетание классических элементов литературной готической традиции с белорусским фольклором образует особый тип литературно-художественного сознания, требующий нетрадиционного оформления литературных явлений.

Элементы ужасного и сверхъестественного присутствуют в фольклоре многих народов: в архаических балладах, исторических хрониках, священных писаниях. Средние века породили самые невероятные суеверия, из уст в уста передавались легенды и предания об оборотнях, ведьмах, вампирах и призраках. Изображение ужасов, страшных сцен, чудовищ можно обнаружить в литературе различных эпох («Сатирикон» Петрония, «Метаморфозы» Овидия, «Божественная комедия» Данте Алигьери). Однако искусство слова о сверхъестественном как литературный феномен возникло только в XVIII в. в Англии на фоне кризиса культурно-исторического сознания.

Белорусская литература рубежа XVIII–XIX вв., несомненно, подверглась влиянию новых европейских литературных тенденций. Так, у белорусско-польского поэта Юзафа Бака готические мотивы прослеживаются в поэтическом сборнике «Роздум пра непазбежную смерць» (1766). Однако традиции готического романа ярче всего проявились в белорусской литературе XIX в. В жанре готической прозы, используя белорусские реалии, писала Анна Барбара Мостовская-Радзивилл. Ее сборник на польском языке «Мае забавы» («Moje rozrywki») (1806) включает приключенческие рассказы с элементами тайны («Не заўсёды так робіцца, як гаворыцца», «Замак Канецпольскіх» «Матыльда і Даніла»). События в этих произведениях разворачиваются в старинных замках с подземными туннелями, обязательно присутствуют родовое проклятие, загадочные сны, преступления и наказание.

В XIX в. Ян Борщевский широко использует готические, фантастические образы в прозаическом сборнике «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях» (1844–1846). Через призму белорусских легенд и преданий писатель раскрывает своеобразие жизни, морально-этический облик жителей северной Беларуси, где люди верят в злых духов, оборотней и чернокнижников. Я. Борщевский посредством языческих образов и сюжетов старославянской мифологии воплотил в произведениях образ белорусского народа. «Я. Баршчэўскі скарыстаў у сваёй творчасці не збор асобных тэкстаў – паданняў, легендаў, песняў, а ўсю вуснапаэтычную культуру народа – фальклор», – отмечае Н. Хаустович [1, с. 8]. Писатель рассматривает не только отдельные аспекты жизни и быта простого человека, но и его мировоззрение, моральные принципы. С помощью образов-символов фантастических существ и явлений Я. Борщевский

Научный руководитель – Т.Е. Комаровская, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой белорусской и зарубежной литературы Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка

увлеченно раскажывае історыю беларускай зямлі XVIII в.: «У нашых ваколіцах старыя памятаюць шчаслівейшае жыццё, калі было яшчэ шмат пачцівых, стараных і працавітых людзей; у той час, кажуць, кожны гаспадар меў у дастатку зямлі, і радзіла зямля заўсёды добра, хапала хлеба і корму жывёле... Цяпер жа кожны паўпанак, маючы колькі ўбогіх хацін, дораг аплаціць за карэты і багатыя строі, вымудраецца, каб здабыць грошы: прадае жывёлу і апошні хлеб, даводзіць бедны люд да таго, што той мусіць кожную вясну карміцца горкім бабоўнікам» [2, с. 145–146].

Использование в произведении фантастического элемента обычно позволяло писателям эпохи романтизма уходить от ненавистной действительности, перенося место действия своих произведений в дальние страны в поисках «золотого века». Что же касается Я. Борщевского, то «ягоны зварот да мінуўшчыны – гэта не імкненне ідэалізаваць яго. Гэта, у першую чаргу, разуменне таго, што акурат там, у патрыярхальным ладзе жыцця знаходзяцца карціны тых асноў, якія абумоўліваюць, прадвызначаюць экзістэнцыю народа» [3, с. 23]. Фантастические образы беларусского автора позволяют приобщиться не только к истории и легендам родного края, но и через сверхъестественное постичь духовный мир личности белоруса, истоки ее формирования.

Книга «Шляхтич Завальня...» представляет собой сборник рассказов-притч, в которых сверхъестественное и фантастическое используется автором с целью вызвать интерес у читателя и донести глубокий жизненный смысл собранных историй. Встреча с фантастическим – экстремальная ситуация для героев многих рассказов, где проявляется их сила или слабость духа. Но Борщевский-писатель не навязывает свою концепцию мироздания, он заставляет читателя размышлять самостоятельно. Многие моменты в его историях окутаны таинственностью, и поэтому они столь притягательны. Фантастические образы аллегоричны и отражают философскую концепцию автора, суть которой в том, что только честным трудом, искренней верой в Бога и состраданием к ближнему человек может творить добро.

Так, в произведении «Апавяданне першае. Пра чарнакніжніка і пра цмока, што вылупіўся з яйка, знесенага пеўнем» раскажываецца про злого пана и его слугу Карпа, продавших души дьяволу. Чернокнижник обладает анималистическими чертами: «нізкі, худы, заўсёды бледны, вялізны нос, як дзюба драпежнае птушкі, густыя бровы, пагляд яго – як у чалавека ў распачы ці вар’ята» [2, с. 95]. Облик героя, его манера говорить и одеваться противопоставляются традиционно беларусскому. Но даже золото и чары чернокнижника не смогли сделать пана счастливым. Попавшего в немилость к пану Карпа выгоняют из поместья. Самого Карпа раскажчык характэрызуе як чалавека «несумленнага і лянiвага» [2, с. 97], гатовога продаты душы дьяволу ради жэніцьбы на Агапке. Явление чернокнижника Парамона на свадьбе Карпа сопровождается страшными природными аномалиями, которые наводят ужас на гостей: «Нечакана нібыта маланка асвятіла хату і нейкі незвычайны шум пачуўся за сцяною. Пацямнела полымя свечак, усе заціхлі ды пазіралі адно на аднаго... Але пасля гэтага здарэння дзіўная была перамена ў той хаце; кожнага апанаваў нейкі неспакой, некаторыя з прысутных бачылі загадкавыя і страшныя праявы: то на дварэ, то ў цёмных кутках хаты. Аднаму падалося, што нейкае страшыдла, зарослае валасамі, з-за сцяны ўглядаецца ў вакно; другому здалося, што на печы сядзіць нейкі карузлік з велізарнай галавою, чорны, як вугаль; іншы бачыць нібыта таго чарнакніжніка, які вучыў пана штукам шатанскім і золата рабіць» [2, с. 100].

Сам змей неоднократно является Агапке в образе прекрасного молодого человека: «І тут заходзіць малады мужчына, прыгожа апрануты, на руцэ шмат залатых пярсцёнкаў, падпяразаны шырокім чырвоным поясам. Агапка ўзіраецца ў незнаёмы твар, што здаваўся досыць прыемным, толькі пагляд яго быў праніклівы, і першае ўражанне ад яго было страшнае» [2, с. 104]. Змей, обещаю девушке красивую и безбедную жизнь,

пытается ее соблазнить. Но добрая и набожная Агапка способна увидеть зло в красивом облике, и как только она говорит, что ей важнее всего спокойствие души и божья защита, нечисть исчезает. Автор предостерегает читателя: самое опасное зло есть именно то, что является в светлом облике, однако красивые одеяния и блеск золота не способны скрыть черную душу. Сделка с дьяволом не принесла Карпу счастья: его дом, ставший пристанищем темных сил, сгорел после того, как ксендз справил святой обряд.

Многие рассказы книги «Шляхтич Завальня...» содержат идею, что деньги, заработанные нечестным трудом и полученные от нечистых сил, не приносят удовлетворения, а счастье стоит искать совершенно в других вещах: «Здароўе, шчырая праца – гэта найдаражэйшы скарб для добрага чалавека. Дрэнна, калі хто шукае дапамогі ад нячысціка. Ты яшчэ малады, працуй, Бог дапаможа» («Зухаватыя ўчынкі») [2, с. 114].

Нечистая сила часто появляется в моменты душевных колебаний героев рассказов Я. Борщевского. Так, охотник Семен из «Вужовай кароны» готов на все, лишь бы порадовать пана. Герой заключает сделку с нечистью, которая дает ему в услужение страшного пса. Сделка с дьяволом теряет силу, когда Семен обращается к Богу, целуя святое распятие. Герою рассказа «Ваўкалак» вернуть внешний и внутренний человеческий облик помогают искреннее раскаяние и добрые дела. Любовь к девушке и невозможность быть вместе приводят Марка к разочарованию. На свадьбе любимой он превращается в оборотня, вынужден скитаться по свету и жить вдали от людей. В рассказе невероятное и фантастическое передано сквозь призму сна. Сам момент погружения персонажа в сон не зафиксирован, но именно с момента свадьбы Марк превращается в оборотня, и с ним начинают происходить невероятные вещи: «Бачу: я – чалавек. Вопратка тая самая. Якую я надзеў колісь, ідучы на Алёніна вяселле. Не верыў, што гэта было наяве. Баяўся скрануцца з месца, абы толькі не зніклі такія салодкія мроі» [2, с. 135]. Марк, пройдя через подобные испытания, приходит к выводу, что с человеком могут случаться самые необыкновенные метаморфозы.

Писатель Я. Борщевский убедительно доказывает, что только человек высоких моральных принципов способен победить зло, которое предстает в образах ужа, черного пса, белой сороки. Поэтому фантастические персонажи у автора воплощают в основном слуг дьявола и чистое зло. Но зло, как предостерегает писатель, может принимать и притягательные образы неземной красоты, которые манят и уговаривают довериться им. Так, в рассказе «Вогненныя духі» главный герой Альберт просит темный дух принять более приятный человеку облик: «Не хачу бачыць цябе ў такім чорным і страшным абліччы, – сказаў Альберт. – Вярніся ў агонь і, выкупаўшыся ў белым полымі, з'явіся да мяне з белым тварам, з лагоднейшымі вачыма і ў пекным вобліку маладога чалавека» [2, с. 187].

Не все герои Я. Борщевского способны противостоять искушению, соблазнам. Отсутствие крепкого морального стержня и желание обладать несметными богатствами без всяких на то усилий толкает их к трагедии и разочарованию. Вот только осознание своей духовной нищеты наступает слишком поздно, именно над такими людьми зло получает абсолютную власть, подчиняют своей воле, превращая их в жалких рабов.

Как полагает исследователь творчества писателя Николай Хаустович, Я. Борщевский использует иррациональное как художественный прием, он никогда рационально не интерпретирует фантастическое, в отличие от европейских романтиков. «Фантастыка ў яго творчасці – гэта літаратурная ўмоўнасць, гэта аўтарскае мастацкае дапушчэнне. Яно мае на мэце не выяўленне ўласна фантастычнага, а раскрыццё з дапамогаю фантастычных сродкаў гісторыі падзелаў Рэчы Паспалітае, анексію Беларусі царызмам. Вядома, што такая фантастыка аніяк не матывавалася, а яе асноўная функцыя – патрыятычна-выхаваўчая» – отмечает Н. Хаустович [1, с. 66].

Определенный интерес к инфернальному и мистическому проявляет и Максим Горецкий. Атмосферу загадочного и таинственного тонко передает писатель в рассказах «Патаёмнае», «Цёмны лес», «Страхаццё», «Што яно?», «Трасца». Эти произведения по праву можно назвать национальной готической новеллистикой. Белорусский писатель, опираясь на традиции Ф. Достоевского, Н. Гоголя, Л. Толстого, Я. Борщевского открывает читателю новую страницу духовной жизни своего народа, богатство его фольклорного наследия, жизненную философскую мудрость. Богатое наследие (легенды, курганы, сказки) и есть то «патаёмнае», что притягивает своей страшной таинственностью и загадочностью: «Страшна там у восень цёмную, калі пушча стогне, а ваўкі выюць, а скігоча неведама хто, быццам душаць каго, быццам хто ведае што... Жуда вялікая на сэрцы ўзнямаецца» [4, с. 57].

Следует отдать должное умению М. Горецкого стилистически тонко создавать картину и атмосферу ужасно страшного, таинственного: «Аж стогне сяло, аж ваўкі ў лесе выюць, пудзяцца, дзівяцца, ажно птушкі на ноч цёмную супакоіцца не могуць – так гуляюць вяселейка людзі добрыя... Хата... Штось нядобрае робіцца там. Стары памірае...

– Ратуйце! Ратуйце! – кліча смяротнік. – Нясеце з хаты абразы, – кажа ён бабе сваёй, – а то я памерці не магу...

Як шалёны, як неспадзеўкі падпечаны, ускочыў з лаўкі страшны кананік.

Кінуўся пад абразы і схапіў сярэдні абраз – Госпада Саваофа. У адзін мах ірвануў і падняў над галавою высока... Сунулася на зямлю старая, збялеўшы, як папера, і нямеючы ад страхоцця чартоўскага.

– Гру-ру-ру! – загрузкала ўвушшу, быццам груд каменя вялікага з гары пасыпаўся...» [4, с. 53–55].

М. Горецкий, повествуя об иррациональном ужасе, фиксирует глубинное, бессознательное человека. В произведениях писателя тесно сопряжены сверхъестественное и фольклорно-мифологическое наследие белорусов, при этом у М. Горецкого нередко присутствует просветительский дидактизм («Роднае карэнне»): «– Дзядуля! Ваўкі!.. – А калі й ваўкі, ці мы іх баяцца будзем? Прыйдучь, паляскочучь зубамі ды і пойдуць, куды ім паказана, – без клопату сказаў дзед. – Што вы, дзядуля? Паганяць коней трэба: мо ўцячом... А то станем ды цяпло раскладзём, да свету не падступяцца. – Нічога, абойдземся й так. Я заговор ведаю... Ваўкоў было штукі чатыры. Яны беглі з бакоў і спераду і торкаліся мордамі ў ногі коням, але не чапалі... Дзіва! У лесе набеглі, круціліся, морды конскія нюхалі, а не завалілі, Што гэта? Заговор? Чараванне? Гіпноз?...

– Дзедку, родненькі, дык што ж гэта? Скажыце, у чым прычына? Што тут к чаму, як жа?..

– Што? Пра ваўкоў? Дык тут жа няма нічога дзіўнага. Я змалку ведаў гэту павадку ваўчыную... Выбягуць яны, і тут ад злой радасці, што напалі на пядуху, як сціснуць зяпу – разявіць не могуць: бегаюць каля жывёлы, мордамі яе толькі – таўхіль! – падтаўхіваюць, носам па горле мацаюць, а зарэзаць ніяк не здолеюць» [4, с. 76–77].

Названия произведений М. Горецкого («Патаёмнае», «Цёмны лес», «Страхаццё», «Што яно?», «Трасца») подчеркивают озабоченность человека потусторонним миром, говорят о сложностях бытия, об усложненной нарратологической структуре этих произведений («Што яно?», «Князёўна», «Страхаццё»). М. Горецкий интересно вплетает в новеллы о страшном авантюрно-приключенческий элемент. Так, в новелле «Страхаццё» автор дает пародийную характеристику герою-крестьянину Гавриле Печкуру, который бравировал своей смелостью по отношению к мертвым: «Баяцца?! Каго? Чаго? Мерцвякоў іншы баіцца... Чаго, каб у яго хто спытаў. Памёр чалавек, закапалі, пахавалі – і кікс. З зямлі быў, у зямлю і пойдзеш, зямлёю будзеш. Сатлее, струпахлее на прах, і амін, усё... А баяцца трупехлі, гною, зямлі – не ведаю! Здаецца, цяпер і сярод на-

шага брата мала дурных. Поп ці ксёндз мяне чортам страшыць... А ці бачыў ён сам астатняга чарцяночка? І ці відзеў нячысціка хоць адзін разумец на свеце? Ну?» [4, с. 86].

Найвысшей эмоциональной точки напряжения в новелле достигает финал, где герой умирает от страха, услышав голос сельского вора, спрятавшегося от дождя под теремок на кладбище.

Сохраняя самую атмосферу «тайны и ужаса», М. Горецкий приспособливает ее к своему замыслу. Техника открытого конца, усложненная композиция, частичная мотивировка появления сверхъестественного в жизни героя способствовали тематическому, жанровому, поэтологическому разнообразию национальной прозы.

Таким образом, Я. Борщевский, М. Горецкий закладывали основы готической новеллистики, героями которой выступали представители самых разных социальных групп населения, а местом действия становилась сельская действительность. Белорусские писатели (особенно М. Горецкий), акцентируя внимание читателя на одном событии, активно включали в произведения о страшно таинственном «психологический» элемент, который способствовал актуализации проблемы сознательное/бессознательное, содействовал психологизации национальной прозы.

Интерес к готической традиции проявился и у В. Короткевича, что видно на примере повести «Дикая охота короля Стаха». Ученый-фольклорист Андрей Белорецкий отправляется в путешествие в глухой уголок Беларуси. Пейзаж местности, куда едет герой, напоминает «малюнкi да страшнай казкі» [5, с. 26]. Переломный момент в путешествии происходит темной ночью, дороги не видно, и герой доверяется инстинкту лошадей. Так происходит перемещение молодого фольклориста из столицы с его городской цивилизацией к дому-замку Надежды Яновской. Старый огромный замок напоминает скорее не жилое пространство, а мрачную тюрьму. Законы рода не позволяют Надежде покинуть дом, где обстановка и портреты предков напоминают о родовом проклятии, которое тяжелым бременем лежит на плечах девушки: «Велізарныя, змрочныя залы з траскучым паркетам, змок па кутах, вечная пройма, пах пылу і мышэй і холад, такі холад, што стыне сэрца, холад, настоены стагоддзямі...» [5, с. 36]. Надежда является фактически пленницей в своем собственном доме; девушка отмечает, что «дом цягне з людзей жыццё» [5, с. 44], он неуютный и заброшенный, его архитектурный стиль делает здание похожим на «замшэлыя, старыя бярлогі» [5, с. 48]. Надежда Яновская – последняя из своего рода, обреченного на смерть королем Стахом, который когда-то проклял своего убийцу до двадцатого колена.

Дом и местность вокруг свидетельствуют об упадке, серый пейзаж болот, тьма и холод побуждают автора сравнивать природу у замка с лесом из «Божественной комедии» Данте. Яновская живет в адском ожидании собственной смерти, она, как отмечает автор, «жывы труп» [5, с. 45], а ее дом – «трухлявая труна» [5, с. 212]. Пугающие ночные шаги, которые приписывают Маленькому Человеку, и призрак Синей Дамы наводят ужас на обитателей замка. Местная легенда о дикой охоте короля Стаха, рассказанная Андрею Белорецкому управляющим, и таинственная атмосфера места приводят к тому, что молодой фольклорист в попытках рационально истолковать загадочные происшествия приходит к выводу: «чаго не здараецца» [5, с. 61] на этом свете.

Отдельные персонажи повести В. Короткевича наделены чертами животных: Дубатовк сравнивается с медведем [5, с. 83], у Вороны говорящая фамилия и черные безжизненные блестящие глаза [5, с. 84], Маленького Человека автор сравнивает с обезьяной («доўгія, нялюдскія пальцы» [5, с. 207]) или жабой, у Бермана пальцы как змеи [5, с. 143], а описывая внешность Гарабурды, автор употребляет слово «морда» [5, с. 165]. Животного в этих персонажах больше, чем человеческого, у них и инстинкты животные: эти люди утратили мораль и ради своей выгоды готовы на все.

Древняя легенда позволяет В. Короткевичу погрузиться в прошлое с его тайнами и нравами. Дикая охота окутана мрачной таинственностью, Андрей Белорецкий подробно описывает свое состояние необъяснимой тревоги перед встречей с дикой охотой: «Нейкае незразумелае пачуццё выразна сказала мне, што я не адзін на раўніне. Што было гэта, другое, я не ведаў» [5, с. 123]. Герой характеризует охоту как «оно». Появлению охоты, как правило, всегда предшествуют определенные звуки – сотрясающаяся земля и топот копыт. Туман, укрывающий землю, способствует созданию атмосферы сверхъестественного. Белорецкий отмечает, что на него двигалась «цёмная маса» [5, с. 124], в которой позднее он угадал силуэты всадников. «Цмяныя цені коннікаў беглі ад дарогі на ўскос да дрыгвяністай лагчыны. Веялі па ветры плашчы-велеісы, коннікі прама, як лялькі, сядзелі ў сядле, і ніводны гук не далятаў адтуль. Менавіта ў гэтым маўчанні і было самае жахлівае», – отмечает герой. З. Фрейд полагал, что жуткое «имеет начало в давно известном, в издавна привычном» [6]. Полная же тишина делает охоту явлением необычным, пугающим и ставит ее реальность под сомнение. «Нешта нечалавечае было ў гэтым паляванні. Гэты нялюдскі крык – такі не мог вылятаць з чалавечых грудей. Пошчак капыт, які гучаў толькі часам» [5, с. 170], ошеломил Андрея Белорецкого.

Готический прием, когда прошлое с помощью фольклорных мотивов и образов (родовое проклятие и легенды о дикой охоте) вторгается в настоящее, становится неотъемлемой частью повести и существенно влияет на мировоззрение героев и их будущее. Повесть построена как исторический документ, где Андрей Белорецкий, будучи в преклонном возрасте, пишет летопись давно минувших дней своей юности и уверяет читателя, что «тут праўда, шчырая праўда, толькі праўда, хоць вам давядзецца пакласціся ў тым толькі на адно маё слова» [5, с. 19]. Через столкновение различных исторических пластов (XVII и XIX в.) В. Короткевич глубоко осмысливает прошлое и по-философски размышляет над настоящим и будущим. О. Шинкаренко отмечает, что «міфатворчасць па-рознаму праяўляецца на розных этапах развіцця нацыянальных літаратур. Тым не менш яна заўсёды плённа служыць дзейным сродкам асэнсавання не толькі мінулага, але і сучаснага, прадбачання будучага. Дзякуючы звароту да найбольш значных нацыянальных міфаў, таленавіты пісьменнік здольны стварыць новую эстэтычную рэальнасць, у якой праз пераканаўчыя мастацкія вобразы і іншыя прыёмы і сродкі паэтычнай сістэмы сцвярджаюцца гуманістычныя ідэалы і адмаўляюцца іх антыподы, прасочваюцца лёсавызначальныя моманты нацыянальнай гісторыі» [7, с. 40].

В повести В. Короткевича широко использованы элементы готического романа: родовое проклятие, готический замок среди серых болот, таинственная атмосфера, привидения, счастливый финал. Детективный элемент усиливает напряжение и чувство тревоги в произведении. Следуя традициям «сентиментальной готики» (А. Радклиф), сверхъестественное у В. Короткевича получает рациональное объяснение.

Интерес к готическому не затухает и в современной белорусской литературе и искусстве. С конца 80-х гг. XX в. писатели пробуют экспериментировать, вводя в свои произведения нетрадиционные сверхъестественные элементы («Лялька» Н. Костюкевича, «Незламная свечка», «І тады я памёр» А. Козлова). Литературовед Р. Козловский отмечает: «Беларускія пісьменнікі хутчэй скарыстоўвалі гатычную паэтыку, асобныя вобразы ў сваёй творчасці, чым цалкам пераймалі ўсю сістэму мастацка-выяўленчых магчымасцей гэтага стылю» [8, с. 176]. Из современных авторов, использующих готический элемент в прозе, можно назвать Л. Рублевскую. Ее роман «Скокі смерці» (2011) погружает читателя в атмосферу таинственного и пугающего, а мистическая повесть «Ночы на Плябанскіх Млынах» (2006) в чем-то напоминает истории Я. Борщевского из книги «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апаваданнях».

Детективный сюжет с готическими элементами положен в основу романа В. Гапеева «Праклён» (2013), где писатель сделал попытку осмыслить в новом ключе исто-

рическое и фольклорное наследие белорусов. Современный белорусский автор детективных романов О. Тарасевич также использует элементы готики в своем творчестве («Абярэг Святога Лазара» (2012), «Карты вялікага чараўніка» (2014)). Белорусский краевед В. Садовский издал книгу «1813» (2016), написанную в жанре «зомби-хоррора», где действие происходит в XIX в. в замке дяди Михала Огинского после отступления наполеоновской армии. Белорусскому писателю А. Геращенко принадлежит цикл мистико-фантастических рассказов «Пропойские истории», основанный на древних белорусских легендах и преданиях.

Интерес к готике сегодня проявляется не только в литературе, но и в кинематографе. Так, в 2010 г. был снят белорусский мистический триллер «Масакра», на который режиссера вдохновили Я. Борщевский и В. Короткевич. В основу фильма положены новелла «Локис» П. Мериме и мотивы старобелорусских легенд. Ведутся съемки фильма ужасов «Упыри», где повествуется о страшных событиях с группой молодежи на белорусских озерах в Купальскую ночь. В 2017 г. увидел свет первый белорусский независимый интернет-сериал в жанре ужасов на белорусском языке «Заклятыя скарбы» по мотивам белорусских легенд и преданий.

Таким образом, готическая литература прошла долгий путь развития. Интерес зарубежных и белорусских авторов к сверхъестественному не ослабевает и сегодня. Современные готические произведения сильно отличаются от готической литературы второй половины XVIII в. Одна из главных особенностей современной готики состоит в том, что она выработала философско-эстетическую систему, которая обуславливает тематику, проблемы и определяет сюжетные линии произведений. Литература ужасов заостряет внимание на вопросах соотношения жизни и смерти, добра и зла, на страхах и переживаниях как отдельного индивида, так и общества в целом. Сверхъестественный элемент в литературе выходит на первый план именно в переломные эпохи истории, и в этом видится своеобразная попытка бегства от реальности в вымышленный мир. Большое количество готических произведений приходится на кризисные периоды в жизни общества, когда назревает необходимость адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни, когда человек чувствует дискомфорт и нестабильность. Актуальность готической традиции обусловлена тем, что через призму ужасного, сверхъестественного авторы осмысливают морально-эстетические, психологические, нравственные проблемы социума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хаўстовіч, М. В. Мастацкі метада Яна Баршчэўскага / М. В. Хаўстовіч. – Мінск : БДУ, 2003. – 204 с.
2. Баршчэўскі, Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Я. Баршчэўскі // Выбр. тв. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1998. – С. 81–282.
3. Хаўстовіч, М. В. Паэт і казачнік азернага краю / М. В. Хаўстовіч // Выбр. тв. / Я. Баршчэўскі. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1998. – С. 5–28.
4. Гарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Гарэцкі ; рэдкал.: А. М. Адамовіч [і інш.] ; Акад. навук БССР, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – Мінск : Маст. літ., 1984–1986. – Т. 1 : Апавяданні, 1913–1930 / рэд. С. А. Андраюк ; падрыхт. тэкстаў і камент. М. П. Кенькі. – 1984. – 446 с.
5. Караткевіч, У. С. Дзікае паляванне караля Стаха : апавесць. Зямля пад белымі крыламі : нарыс / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 493 с.
6. Фрейд, З. Жуткое [Электронный ресурс] / З. Фрейд. – Режим доступа: <http://freudproject.ru/?p=723>. – Дата доступа: 03.03.2018.

7. Шынкярэнка, В. К. Нястомных пошукаў дарога : праблемы паэтыкі сучаснай беларускай гістарычнай прозы / В. К. Шынкярэнка. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 208 с.

8. Казлоўскі, Р. Готыка ў творчасці Міколы Касцюкевіча (на прыкладзе апавядання «Лялька») / Р. Казлоўскі // На Нёманскай хвалі : літ. альм. – 2014. – № 4. – С. 176–182.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.03.2018

Tarasova E.V. Interaction of Gothic Canon Elements with Folklore Tradition in Belarusian Prose

The article investigates some elements of Belarusian Gothic tradition. National writers, relying on European Gothic prose, laid the foundations of national Gothic narrative. J. Barszczewski, M. Haretski, U. Karatkievich, using the Gothic poetics, conceptually comprehend the problems of both an individual and people, national history. Modern Belarusian literature and art show interest in Gothic as well. The combination of classical elements of Gothic literary tradition with folklore heritage of Belarusians forms a special type of literary and artistic consciousness. Which requires an unconventional design of literary phenomena.